

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК

ПРИСУТСТВИЕ БУДУЩЕГО

Виктор Трифонович Слипенчук родился в 1941 году в селе Черниговка Приморского края. Окончил Омский сельскохозяйственный институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Поэт и прозаик, публицист. Академик Академии русской словесности.

Работал геологоразведчиком, зоотехником, матросом, рыбоводом, строителем и журналистом.

Автор множества поэтических сборников, рассказов, повестей и очерков. Среди его произведений поэтические книги «Свет времени», «Путешествие в Пустое место», «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Зигзаг», романы «Огонь молчания», «Зинзивер», пьеса для театра в десяти эпизодах «Губернатор».

Награжден знаком «Почетный писатель МПО РФ» (2016).

*Член Союза писателей СССР.
Живет в Москве.*

РАССКАЗЫ

Рассказы, о которых идет речь, написаны на БМРТ (большом морозильном рыболовном траулере) «50 лет ВЛКСМ». И хотя по судовой роли (июнь 1971 года) я был направлен на судно матросом добычи, или, что одно и то же, матросом палубы, поначалу работал на фабрике — фасовщиком. (Во избежание всяких ЧП старший тралмейстер* не взял меня на палубу.) Написал слово «работал» и почувствовал его неестественность. В ходу было слово «пахать». Мы тогда пахали посменно — шесть через шесть. Когда рыба идет валом, тут уж не до отдыха. Надо пахать. Пахать во всю силу, чтобы обработать сырец — хек серебристый, минтай голубоглазый! Еще есть неестественное слово «ящички» в рассказе «Перегруз». Правильно — коробá. Впервые рассказ был опубликован в многотиражке «За активный лов» Управления активного морского рыболовства (г. Находка).

Самое худшее в морях — это штиль и безрыбье. Тогда по разрешению капитана судовой комитет проводил собрания среди рядового состава. Таким способом выпускали ненужный пар. Рыбаки выступали витиевато. Свообразными намеками выражали недовольство комсоставу: почему нет рыбы? Ссылались на конкретные суда в экспедиции, мол, те потихоньку дают ежедневный улов, а мы, в отличие от них, тралим сплошные пустыри. Помнится, один матрос, выступая, сказал, что у него сынишке два года — молодая семья. Вот он придет из морей, и сынишка скажет ему: «Папа, дай!» — а что он даст?!

Все рассказы, заинтересовавшие журнал «Москва», писались с натуры. Газетой закрывал электрическую лампочку и писал. На судне невозможно жить какой-то обособленной жизнью — все на виду. Из-за этого случались недопонимания, но в целом матросам нравилось, что я, такой же, как и они, матрос вдали от дома,

---

* *Тралмейстер* — специалист, руководящий траловым ловом рыбы.

от родных и близких, пишу о них, о нашем адском труде, которого, кроме нас, никто не видит. Впрочем, за давностью лет не это удивляет. В той, молодой жизни меня удивляет постоянное присутствие будущего.

Когда служил в армии, мечталось — вернусь домой, обниму жену, сына, побываю у родственников, соседей, друзей.

О том же самом мечталось и в морях: вот сойду на берег, прошвырнусь по местному Бродвею, встречу со школьными товарищами, покутим — как же без этого! Будущее было частью нашей тогдашней повседневной жизни. Порой будущее бывало для нас таким ярким, что, словно солнце, заливало своим светом все предметы вокруг. Если кто-то скажет, что ныне таких людей нет, — неправда. Они есть, и большинство из них, уверен, участники СВО, находящиеся, как они сами говорят, на передке. Они живут будущим и сами становятся лучшей частью нашего будущего. Мои рассказы — о них, только в другой обстановке.

09.11.2023

Москва

У тебя есть тельняшка?

Большой морозильный рыболовный траулер «Аскольд» шел домой, и старпом объявил по трансляции:

— Желающие следовать в порт Находка на «Аскольде» должны срочно подать заявления на имя капитана-директора.

— Серега, а как с заменой?

— Ты даешь. Слышал, пол-«Аскольда» остаются, переходят к нам?..
У тебя есть тельняшка?

— Есть, — кивнул я.

Но Серега все равно бросил мне тельняшку:

— Носи, будь настоящим...

Серега был возбужден. Десятый месяц в морях, сразу после армии. И вот — домой. Пусть не на пассажирском, без комфорта, но все равно домой.

— Серега, на берегу что первое сделаешь?

— На Падь Ободную десять гусей и — погнали.

— Каких гусей? — не понял я.

— Живых, живых, Валера. — Серега захлопнул чемодан и потянулся.

— В кабак, соберу толпу и — обед, обед закачу на все сто!

— Ерунда. Вон Лёвка-добытчик закупит несколько лотков с мороженым и будет бесплатно детям раздавать.

— У него сын в Рязани, а я... — Серега сморщил лоб и передернул плечами. — А я губернатор острова Борнео. — Серега опять передернул плечами и закричал: — Люди, вы слышите? Я губернатор острова Борнео!

— Ну ты, наверно, пьяный дурной?

— Нет, я пьяный трезвый. — Серега обиделся, и я смягчился:

— С гусями — это хорошо, а то Володька Усы грозитя в кабаке барабан катать.

— Чокнутый, — поставил диагноз Серега и повеселел.

— С гусями я пошутил. — Он вытащил из-под подушки книгу и показал фотокарточку. На фотокарточке улыбалась девушка лет восемнадцати.

— Женишься?

— Посмотрю... Люди, вы меня слышите? Я губернатор...

Открылась дверь, и в каюту вошел Эдька Баракин. Эдька приехал в Приморье из Барнаула и в морях работает машинистом кормодробильной установки, яснее — мельником. Тукомолы варят отходы рыбы, а он мелет, насыпает муку в мешки и укладывает в трюме.

— Ну что? — спросил Эдьку Серега.

— Ничего хорошего. Всех на «Аскольде» обошел, никто не хочет. Как скажу — мельником, так каждый сразу: «Мельником я забил».

Мы закурили. Серегоино возбуждения как не бывало.

— Разве это РМУ*? Ничего не оборудовано. Кричали: «В морях, в морях сделаем». Сделали. — Эдька выругался. — Десятый месяц живешь как в аду. Нашли дурака. — Он затыкнулся и, глянув на чемодан, сказал: — А ты всё?

— Всё.

Сереге кивнул мне и засмеялся:

— Допытывается, что первое сделаю на берегу.

Эдька оживился:

— Я бы просто вышел на улицу и смотрел, смотрел на прохожих, и ничего мне не надо... У нас площадь Октябрьская, народу там! А на углу гастроном под шпилем. Дворец спорта путевый.

Он замолчал, и мы все помолчали.

— Держи краба. — Эдька подал Сереге руку, и Серега, виновато улыбаясь, сказал:

— Да я забегу. Бот утром спустят.

— Не надо. Завалюсь спать. Мне с семи.

Эдька ушел, и мы с Серегой тоже решили завалиться. Мне не спалось. Я долго ворочался, потом встал и, чтобы не разбудить Серегу, тихо вышел из каюты.

«Зайду к Александрычу», — решил я.

— Можно?

— Ко мне всегда можно. — Помощник капитана по производству сидел за столом и что-то печатал на машинке.

— Александрыч, я вот чего хочу. Мельником поставь меня.

— Тебя? — Александрыч взял из пепельницы сигарету и, раскуривая, оглядел меня с ног до головы. — Ты сколько в морях?

— Впервые.

— Во, впервые! — Он многозначительно кашлянул, и я полез в амбицию:

— Ну и что?

— Да это-то ничего. — Он сбил с сигареты пепел и спросил: — Баракин улестил?.. Так вот что я тебе скажу: шесть через шесть, сто двадцать мешков минимум, смолоть, затарировать** и уложить в трюме. Выдержишь?

Не дожидаясь ответа, он начал печатать, как бы давая понять, что разговор закончен. Это меня разозлило.

— Никто не улещал. Мне деньги нужны, — неожиданно для себя сказал я.

— Деньги, говоришь? — Александрыч, перестав печатать, встал и бросил сигарету в урну. — Деньги, говоришь? — Он достал из рундука тетрадь. — Фамилия и все полностью.

— Губкин Валерий Антонович.

* РМУ — рыбная мучная установка.

** Затарировать — определять вес чего-нибудь при помощи тары.

— Добро, Антоныч, иди к Баракину, пусть все расскажет, покажет, а завтра с семи давай. Вес мешка сорок один килограмм. Можно чуть больше, но упаси тебя меньше... Взгрею. — Хлопнув по плечу, он добавил: — Пожалуй, сдюжишь. Кличь Баракина ко мне.

Александрыч опять сел за машинку, а я пошел к Эдьке.

— Команде встать! — подражая старпому, рывкнул я.

— Чего орешь? — Эдька зажмурился. — Выруби свет, ну.

— Не «ну», а команде встать... Зав кличет.

— Что он, совсем?..

— Он частично... Иди за документами, тебя списывают.

— Брось подначивать. — Эдька положил руки под голову и закрыл глаза, потом подхватился и через десять секунд уже был одет. Выскакивая из каюты, он оглянулся: — А кто мельником?

— Иди, иди.

— Ты, что ли?

— Я, что ли.

Эдька заволновался. Вернулся, сел на рундук. Встал, походил.

— Побудь, мигом. — Я слышал, как он застучал по трапу, и улыбнулся.

«Я бы просто вышел на улицу и смотрел, смотрел на прохожих, и ничего мне не надо...»

Интересно, а что первое сделаю я? Нет, об этом рано. Да, об этом рано.

Кто-то кубарем скатился по трапу, и мне опять стало хорошо. «Это Эдька. Конечно, Эдька, кто же еще».

Сон будет хорошим

Восьмого июля бывший мельник Эдька Баракин на большом морозильном рыболовном траулере «Аскольд» ушел в Находку, и я стал мельником вместо него. Мы промышляли хека в Ванкуверо-Орегонском районе*. Это была настоящая рыбалка. Фабрика не успевала обрабатывать сырец, и помощник капитана по производству Александрыч приказывал:

— Выливайте рыбу в бункер с отходами.

И рыбу выливали. Два барабана каждые шесть часов давали три тонны вареного тука. Я спустился в РМУ, чтобы пропустить тук через свою адскую машину, именуемую кормодробильной установкой и ревущую раненым львом. Тук, как раскаленный песок, жег сквозь подошвы сапог. Испарения першили в горле и разъедали глаза. Пот заливал уши.

Я работал в брюках, пока тукомол Гринька Новиков не принес мне шорты:

— На, Эдька тебе оставил.

Гринька сел на весы и обхватил колени руками.

— Сколько смолот?

— Второй бункер.

— Осталось полтора часа. — Он показал на часы и сочувственно улыбнулся. — Не успеешь.

— Не знаю, — сказал я и вытер лицо брюками, потому что полотенце уже взмокло.

* *Ванкуверо-Орегонский район* — рыболовецкий район около берегов Северной Америки.

Гринька взял иголку:

— Буду мешки зашивать, а ты набивай. Надо хотя бы это успеть.

— Да, надо, — подтвердил я и почувствовал головокружение. — Гринь, что-то мотыльки в глазах и голова, когда вдыхаю, как бы в висках раздувается.

— Ты это, — Гринька показал на трубу вентилятора, — голову прямо туда засунь... Кислорода мало.

Я просунул голову в трубу.

— Здесь еще кайф... Вот на Гавайях ад кромешный... Ходишь как вареный, Эдька в плавках, а потел как из ведра... Здесь кайф. — Гринька взял номерную нитку и, заправив иголку, подбил мешок. — Ты это, не падай духом. Через недельку мешки будешь кидать только так. — Гринька рывком поднял мешок и бросил в трюм. — Самое тяжелое — смолоть. Я вот десятый месяц, и то, когда выгружаю барабан, зажмуриваюсь, а пар все равно как ударит в нос, аж до пяток продирает. Так что твой первый день я во как понимаю. — Гринька показал на горло и стал рассказывать, какая жара была в тукомолке на Гавайях. — Здесь кайф.

— Гринь. — Я показал ему руки.

— Не бери в голову. Вот здесь еще нитками натрешь, а потом все затянется и кожа станет как подошва.

К концу смены с помощью Гриньки я затарировал и уложил в трюме последние мешки.

Когда я вышел из душевой, Александрыч поинтересовался:

— Сколько сделал?

— Пятьдесят мест...

— Отлично, а дальше темп наращивай... Сгущенное молоко получил?

— Нет... Мне Баракин оставил пятнадцать банок.

— Ну давай, так держать.

Александрыч спустился на фабрику, а я в свою каюту.

Ложась отдыхать, я думал, что буду спать крепко, но ошибся. Во сне я молот муку и зашивал мешки. Нитки рвались, и я просыпался. Иногда я вскакивал от мысли: «Проспал... Александрыч скажет: “А я думал, он сдюжит”». Я торопливо смотрел на часы и опять закрывал глаза.

«Надо мечтать о хорошем, тогда и сон будет хорошим. Зря согласился мельником, работал бы на фабрике... на фасовке, например. Ведь на фасовке ничего...» Не то. Лучше мечтать о Баракине... Август. Он в тенниске на Октябрьской, а народу кругом, и все больше девушки, много-много и все красивые, а одна говорит: «Вы что, впервые в Барнауле?» «Да, впервые», — отвечает Баракин. И девушка предлагает ему сходить во Дворец спорта. «Какой путевый Дворец», — говорит Эдька.

«Да, это здорово, — радуюсь я. — Надо будет об этом вспомнить там... когда начнет першить в горле. Это выход. Это выход». Я поворачиваюсь на бок и засыпаю как убитый.

Санька-одессит

Санька-одессит пришел к нам на последнем «пассажире», и мы живем в одной каюте.

— Смотри карточки, — сказал Санька и положил передо мной фотографии.

- Что это? — удивился я.
— Как видишь, камчатский «Браслав».
— Тот самый траулер?
— Тот самый.

Судно лежало на правом борту, пустынное, как макет. Крыло мостика наполовину ушло в океан, а на левом ботдеке* виднелись шлюпки.

- Что они, боты не успели спустить?
— Как видишь.

Санька на секунду оторвался от фала, из которого он вытаскивал цветные нитки, и я почувствовал, что он гордится своими карточками. «Да, такое не каждый день бывает, — подумал я. — Такая махина — на дно».

— Представь, через восемь часов после выхода из Питера... Рулевому была команда «право на борт», а он «лево» заделал. Шарахнулись в лесовоз «Сула» по-черному.

Санька как ни в чем не бывало тянул из фала нитку, и только голос выдавал радостное возбуждение. «Да, такое не каждый день бывает, всякому рассказать можно, уши развесит», — невольно опять подумал я.

- Три жертвы всего... Ерунда.

Санька стал насвистывать Высоцкого, и я возмутился:

- Ты что, в осиновой роще?
— А чего?

Я бросил фотографии и пошел в рулевую. Рулевым я работал всего второй день, и Санькины карточки задели за живое. «Рулевому была команда “право на борт”, а он “лево” заделал».

— Привет! — Костя, курсант мореходного училища, мне улыбнулся, и я стал у гирокомпаса**.

- Держи на корабль по носу.

И я держал на корабль по носу, пока белая точка на горизонте не превратилась в танкер «Максим Горький».

— «Максим Горький»... «Максим Горький»... Полста лет... — Капитан наклонился над рацией, и я понял, что мы будем швартоваться.

- Курс? — не глядя на меня, спросил капитан.
— Сто сорок, — ответил я.

Повернувшись к старпому, капитан бросил:

- Сто сорок два... Они в дрейфе.

— Сто сорок два, — повторил я, и тут волна ударила в левый борт так, что стрелка гирокомпаса крутнулась на десять градусов.

Заметив волнение, с каким я рванул штурвал, капитан шагнул к гирокомпасу:

- Я же сказал сто сорок два.
— Да я положил, а...

Капитан прервал:

— Вы хоть на борт кладите, а держите курс. — Он вышел на крыло мостика, и я услышал, как старпом объявил по спикеру: — Рулевому Невенченко подняться в рулевую.

«Заменить хотят, — догадался я. — Ну и пусть... Я второй день на руле».

---

* *Ботдек* — самая верхняя палуба на пассажирских судах, на которой располагаются спасательные шлюпки и устройства для их спуска и подъема.

** *Гирокомпас* — прибор, предназначенный для определения курса объекта, а также азимута ориентируемого направления на земной поверхности.

— Сто сорок три! — потребовал капитан.

— Сто сорок три, — повторил я и с горечью отметил, что гирокомпас показывает сто тридцать девять.

Каждые пятнадцать секунд капитан менял курс. Стрелка металась как намыленная — то вправо, то влево. «Приварить бы ее», — мелькнула шальная мысль. На лбу выступил пот, но мне некогда было смахнуть его.

Невенченко стал за руль, когда до танкера оставались метры.

— К боцману! — приказал старпом, и я побежал на бак.

На ходу надевая робу, я почему-то вслух произнес:

— Рулевому была команда «право на борт», а он «лево» заделал.

«...Свистит как в осиновой роще». Вспомнив рассказ одессита, я выругался. Увидев меня, боцман крикнул:

— Губкин, иди сюда!

На танкере уже взяли наши швартовы, и мы начали подтягиваться. Капитан стоял на крыле мостика, и все было нормально. Я уже хотел было сказать боцману: «Перекурим, Паша», — как танкер вдруг поднялся на волне и двинулся на нас. Волн было две. Первая и вторая. Откуда они взялись — не знаю, потому что зыби-то настоящей не было, так, около трех баллов — не больше.

Танкер поднялся и двинулся на нас. Левый фальшборт хрустнул, как скорлупка куриного яйца. Судно вздрогнуло, и мы, матросы, выделенные на швартовку, разлетелись по баку кто куда. Я посмотрел на капитана. Он все так же стоял на крыле и был абсолютно спокоен. Танкер отодвинулся. Капитан наклонился и посмотрел за борт. Потом он что-то крикнул боцману, и я увидел, что лицо у капитана стало красным.

— Что он сказал? — спросил я Костю-курсанта, но он, махнув рукой, бросился к шкиперской.

Я оглянулся и обомлел. Танкер опять шел на нас. Перепрыгивая через левый швартовый, я услышал, как он заскрипел и пополз с кнехта. Меня подкинуло, и, уже падая, я схватился за лебедку. Танкер медленно валился на крыло мостика. Железная подпорка шелкнула, как соломинка, и с обшивки танкера посыпались заклепки, что орехи. Шесть иллюминаторов брызнули стеклом, и капитан, пятась, поднял руку, прикрывая лицо. Все происходило как в замедленной киносъемке, и было совсем не страшно до тех пор, пока не пошли швартовы.

— Полундра! — крикнул боцман и, свистнув, первым рванул с бака.

Сквозь скрежет железа донесся хрип рупоров:

— Отдать правый продольный!

Корпус судна задрожал, и я понял, что мы врубили ход.

— Валер, бери... — Боцман уже колдовал возле кнехта.

Швартовый конец гудел, как струна, и я сказал:

— Осторожней, Паша.

— Ничего, сейчас слабину даст, не зевай.

Подбежали Костя и три обработчика, за ними два штурмана: второй и третий.

— Левый сам отдался. — Костя присел на корточки.

— Да знаю... отойди. — Паша нервничал, и мы понимали его.

— Что, вообще не будем? — спросил я у второго штурмана, когда «Максим Горький» остался за кормой.

— Как же без топлива? Будем... на бакштов. — Иваныч повернулся к боцману, и Паша сказал:

— Сразу надо было, нет же, лагом стали... они тоже...

— Кто знал, «Тихвин» работал только что, ничего.

Мы выбрали швартовы и подготовили выброски. Когда пришвартовались к корме танкера и горючее побежало по шлангам, я пошел в каюту, потому что время моей вахты кончилось. В каюте никого не было. На полу валялись книги и фотографии. Вентилятор висел на проводе, уткнувшись лопастями в ящик для сигарет. «Наверное, сторел», — подумал я и поставил его тут же на ящик. Неожиданно лопасть повернулась и стала набирать ход. На полу зашевелились фотографии, и я вспомнил: «Рулево-му была команда “право на борт”, а он “лево” заделал».

Я поднял фотографии. Судно «Браслав» все так же лежало на правом борту, пустынное, как макет.

Я открыл иллюминатор. Ветер усилился. Волны пенились и шипели. «Конечно, он не хотел направо, а волна ударила — и растерялся, как я. Ведь тоже не хотел, а влево заделал».

Вошел Санька-одессит:

— Слышал, через двое суток «пассажир» подойдет?

— А что он тебе?

— Спишусь на него, вот что. — Собрав фотографии в стопочку, Санька задраил иллюминатор.

— Спишешься? — Я удивился. — До конца рейса месяц, и ты спишешься?

— До конца рейса месяц, а я спишусь... Раньше вон матросов не то что по росту, даже по цвету глаз подбирали, а сейчас...

Санька махнул рукой: мол, что говорить, все и так ясно, а я впервые обратил внимание на то, что он выше меня на целую голову и глаза у него голубые-голубые, как море. Как море в хорошую погоду, когда любишь морем с берега.

Перегруз

У нас на борту было семьсот пятьдесят тонн мороженой рыбы, и мы со дня на день ждали сухогруз «Остров Лисянского». Николай Руско спросил у меня:

— Валер, ты перегруз делал?

— Нет, не делал, — сказал я и прикурил.

— Замучаешься. — Руско сильным выдохом выпустил дым. — Понимаешь, могу пахать две смены подряд, а перегруза боюсь.

Мы помолчали, и тут я увидел Витьку Тихонова. Тихонов стоит на выкатке тележек из морозилки и получает пай как матрос первого класса, потому что стоять на выкатке — это не то что стоять на фасовке. Руки у Витьки всегда красные, как вареные. Витька подает на выбивку противни с мороженой рыбой.

Вынырнув среди тележек, он наклонился ко мне:

— Ты перегруз делал?

«Что они, сговорились?» — подумал я и, глянув на Кольку, ответил:

— Нет, не делал.

— Не делал!

Витькино лицо просияло. Оно сделалось почти радостным. Улыбаясь, он озирался, как бы приглашая всех разделить его восторг. Лично я не откликнулся на приглашение, и правильно сделал. В следующую секунду его улыбка исчезла, лицо исказилось от злости.

— Какого черта не взвешиваешь противни? Ящик на полста тянет. Ты что, совсем оборзел?

— Нет, я не оборзел, — сказал я Витьке.

И тогда он выпалил в лицо все, что думает обо мне. И я узнал, как некоторые плохо думают здесь о новичках, но смолчал.

Юркнув среди тележек, Витька вернулся со старшим матросом и трюмным Санькой Головкиным. При них Витька опять повторил слово в слово все, что думает обо мне, и они сошлись на том, что я совсем оборзел.

— На перегрузе пиши его со мной, — бросил Санька Головкин старшему матросу, и они ушли, оставив меня со своими тяжелыми мыслями.

— Пусть идут они... — посочувствовал Колька, и хотя я согласился с ним, после смены долго не мог уснуть.

«Перегруз... Подумаешь, перегруз. Да я в геологии работал. Меня мошка заедала, и робу с меня, может, с кожей снимали. Там тоже Санька Каримов кричал: “Убёгнешь”. Но я не убежал. Перегруз. Видал я ихний перегруз». Настроение восстановилось, и, засыпая, я услышал, как боцман заорал майнать кранцы*. «Значит, все-таки перегруз... Швартуемся», — уже во сне отметил я и проснулся от толчка в плечо.

— Перегруз.

Санька Головкин. Широкоплечий, бородатый, в литых резиновых сапогах, в рыбацком свитере, заправленном в черные сатиновые брюки, подпоясанный широким кожаным ремнем, он играет ящиками, как ребенок кубиками. Кажется, стоит Саньке только прикоснуться к ящику, и тот сам взлетит и точно упадет на строп.

— Эй, на барже! — кричит Санька в лючину трюма. — Майна!

Огромный железный крюк висит в проеме, и Санька беззлобно ругается. На лебедке ругань понимают правильно. Через секунду Санька накидывает на крюк два стальных троса.

— Набил! — кричу я.

Строп вздрагивает и застывает в нескольких сантиметрах над деревянными решетками. Санька спрыгивает и, уже не высываясь в проем, заканчивает:

— Вира... Погнали!..

Вместе мы подходим к парням, свалившимся тут же на ящики, и я, стараясь дышать как можно ровнее, сажусь возле Мишки Краснопёрова. Усы у Мишки покрыты инеем, и он похож на маленького моржа.

— Миша, ты как морж.

Мишка не слышит моего сравнения. Моего сравнения не слышит никто, кроме Саньки Головкина, потому что шум кипящей крови заглушает все. Трюм вздрагивает от ударов сердца, и пар человеческих тел осыпается со спецовок солью.

— Иди тару перекинь... Последний шар начнем.

Сквозь глухие удары Санькин голос едва различим.

Я вскакиваю, не оглядываясь, иду в угол, забитый картоном. Я знаю: Санька рядом. Санька ждет, когда я свалюсь. Тогда он скажет: «Ну, салага, теперь будешь взвешивать противни?»

Саньке это очень хочется сказать. Саньке хочется сказать мне это третью смену, и третью смену я держусь на одних нервах. Спина и руки налились свинцом. Наконец я умер. Санька, пряча усмешку в бороду,

---

* *Майнать кранцы* — поднимать или спускать приспособление, служащее для амортизации ударов судна о причал или другое судно на швартовках и стоянках (часто используют автомобильные покрышки).

наклоняется надо мной, а Витька Тихонов, радостно озираясь, сообщает всем:

— Отдал концы, салажонок. Сам виноват. Надо взвешивать противни. Оборзел. Ящик на полста тянет.

— Губкин! — трудно доносится до меня лязганье опускающегося стропа.

Я поворачиваюсь и вижу Саньку. Санька уже бежит к стропу с ящиком. Я бросаюсь за ним. Я бегу след в след. Сейчас Санька качнется и отскочит, давая место мне, а ящик точно ляжет на строп. «Сколько их... этих стропов... Последний шар... Черт его подери», — мельком думаю я. И опять хватаю ящик. И опять впереди Санькина просоленная спина.

Время. Вы, конечно, ощущали его стремительный бег в рокоте турбин реактивного лайнера. Вы подслушивали его в шорохе листьев и шуме дождя. А приходилось ли вам слушать его в трюме на перегрузке? Когда оно хрипит и застывает в легких. Когда каждая секунда сорокакилограммовым ящиком падает на строп и впереди его еще целый шар.

— Губкин, погнали!

Мы с Санькой отскакиваем, и последний строп, как снаряд, летит на палубу. Перекур.

Мы садимся в круг. Санька достает сигареты и первому дает мне. Я зажигаю спичку, и мы, прикурив, по одному поднимаемся на палубу.

Все тело ноет, и я вижу, как парни с трудом стягивают с себя робы. В умывалке я говорю Тихонову:

— Витька, сыграем в шахматы?

Витька смотрит на меня стеклянными глазами.

— В шахматы! — повторяю я.

В глазах у Тихонова сверкнул злой огонек и тут же погас.

— Иди-ка ты, — буркнул Витька, и Санька Головкин захохотал.

— Он щас копыта откинёт... «Шахматы»... — Санька подмигивает мне, и я понимаю Саньку без слов.

— Контрофорь* конец**! Конец контрофорь! — доносится с бака.

«Отшвартовываемся. Конец перегрузу». Я взбиваю подушку и... лезу на кормовой мостик. На меня сыплются кухтыли***, и Санька Головкин кричит: «Лезь, студент, тару перекидывать... Сейчас мостик грохнется... быстрее!» Я тороплюсь, разбивая колени и пальцы в кровь. Санька подает мне руку, и тут волна, огромная, как бы высвеченная изнутри. Я теряю равновесие. «А-а-а!» — кричу я.

— Валер, Валер, повернись.

Я открываю глаза, Мишка Краснопёров трясет мое плечо.

— Стонешь — спасу нет.

— Понимаешь, приснилось, с кормового мостика упал... летел, и ты разбудил.

— Понятно, это хорошо, это ты растешь.

Мишка зашторивает койку. Голубые занавески плавно парашютируют в такт качки, и, засыпая, я слышу шум кипящей волны, трушейся о переборки пустых трюмов.

* *Контрофорить* — противостоять, сопротивляться.

** *Конец* — всякая свободная снасть небольшой длины.

*** *Кухтыли* — поплавки.